

Е. Усачева

НОЧЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

ЧЕРНЫЙ КОТенок

Только для девчонок

Елена Усачева

Ночь открытых дверей

«ЭКСМО»

2008

Усачева Е. А.

Ночь открытых дверей / Е. А. Усачева — «Эксмо»,
2008 — (Только для девчонок)

План был прост, и так же просто он провалился... Темной ночью забравшись в учительскую, Генка Кармашкин упустил журнал 8-го «Б»! Ему не хватило всего минуты – много ли времени нужно, чтобы поставить напротив своей фамилии пару четверок? Генке помешал неизвестный в маске: он успел украсть журнал первым! И теперь мальчишку ждут крупные неприятности – завуч нашла у него ключи от школы и грозит отчислением, если через два дня пропажа не вернется на место. Значит, Генка должен провести собственное расследование? А в подозреваемых у него – весь класс?!

© Усачева Е. А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Усачева

Ночь открытых дверей

Американка – игра, при которой проигравший выполняет все требования выигравшего.

Глава 1

Один из способов исправлять плохие отметки, или Глава о том, как даже самые проверенные планы дают сбои

Ночь выдалась на удивление темной. Это Генка Кармашкин, прозванный благодаря своей несурзной фамилии Кар-Карычем, заметил, еще когда только готовился к выходу из дома.

Темно было на улице, очень темно. Кажется, даже фонари не горели.

Чтобы никого не разбудить, застегивал куртку Генка в ванной комнате, там же надевал ботинки – из квартиры он хотел выйти полностью подготовленным, а не мучить некстати заевшую молнию на лестничной клетке. На цыпочках прошел по коридору. Из комнаты младшей сестры Люды слышалось сопение. Эта не проснется, даже если внезапно обрушить рядом с ней лоток с вилками, ложками и ножами. В родительской комнате было тихо.

Спят? Не спят?

Проверять Генка не стал. Он открыл уже заранее отпертую дверь, вставил в замок ключ, чтобы не щелкать затворным механизмом, повернул его и сильно надавил на ручку.

Дверь закрылась настолько бесшумно, что Кармашкин усомнился, а закрыл ли он ее.

Подергал. Все в порядке.

Впереди было самое сложное – предстояло пройти несколько дворов, а потом перебраться через улицу. И по возможности сделать это так, чтобы его никто не заметил. А главное, чтобы его не увидела милиция. За хождение по улице после одиннадцати вечера без взрослых не похвалят. Заберут в участок, и там, хочешь ты этого или нет, но придется рассказать, ЗАЧЕМ Генка Кармашкин, ученик 8 «Б» класса средней общеобразовательной школы, вышел из дома так поздно.

Дворы были пусты, а вот по улице еще ходили люди, гуляли парочки.

Нашли время для свиданий! Полпервого ночи! Всем давно пора спать, а не расхаживать тут, как часовые. От каждой машины Генка шархался в кусты, но, к счастью, ему не встретился ни один милицейский патруль.

Для такого сложного дела, что он задумал, начало было неплохое.

Никем не замеченный, он остановился около высокого чугунного забора и прижал лицо к холодной решетке.

За прозрачной сенью молодых листочков, за тонкими стволами еще дремлющих после затянувшейся зимы берез, из-за ровного ряда колючих кустов возносились вверх все пять этажей его родной школы.

В темноте серое здание с черными провалами окон выглядело особенно зловеще. И если бы не жизненная необходимость, Кармашкин ни за что бы сюда не пришел и тем более не рискнул бы перебраться через забор.

Но выхода не было. Генка, резко выдохнув, уперся ногами в прутья и стал подтягиваться на руках.

Днем фокус с перелезанием через школьный забор Кармашкин проделывал не раз, это было довольно легко. Ночью же легкость куда-то улетучилась. Сверху черная земля казалась далекой, как будто смотришь с пятого этажа. И лететь, значит, столько же – пять этажей.

Но – ни шагу назад! Только вперед!

Генка оттолкнулся, спрыгивая вниз. Сердце ухнуло в пятки, потом больно ударило в горло. Стопы пронзила острая боль, и Кармашкин покатился по земле.

Нет, ночью все-таки перелезть гораздо сложнее...

Теперь стоило поторопиться. За деревьями и кустами Генка пробрался к школе, последний раз оглянулся и отсчитал третье окно от угла вдоль торцевой стены.

Это было окно учительской. Прямо напротив него стоял фонарь и щедро лил свет на все вокруг.

А вот это уже было плохо. В свете фонаря Генка был как на ладони! А ну как кто случайно забредет? А тут он, во всей красе.

На секунду в душе Кармашкина забрезжила слабая надежда, что из-за этого фонаря все отменяется, что можно разворачиваться и отправляться обратно.

Но он упрямо сжал губы и шагнул к окну. Не мог он уйти, не выполнив дела.

Пока Генка стучал рамами, ему казалось, что слышит его вся округа. Оставалось самое простое – забраться на узкий приступок, толкнуть незапирающееся внешнее окно, потом исхитриться и открыть такое же внутреннее. И по возможности сделать это тихо.

Вторая рама уперлась, и Генке стало уже не до тишины – открылась бы только! Он стучал и стучал внешним окном о внутреннее, пытаясь толкнуть его с места, пока, казалось, не проснулись два ближайших дома. Но вот раздался долгожданный щелчок, внутреннее окно распахнулось.

Кармашкин подтянулся и перевалился через подоконник. Благодаря фонарю учительская было хорошо освещена, поэтому Генка сразу нашел нужный ему шкаф. Вся хитрость заключалась в том, что на дверях шкафа висел маленький овальный замочек, который... не запирался. Достаточно было потянуть замок вниз, чтобы дужка отскочила.

Кармашкин уже копался в стопке журналов, когда в дверях повернулся ключ.

За секунду перед мысленным взором Генки пронеслась вся его недолгая четырнадцатилетняя жизнь. Обида в детском саду, когда вместо роли мушкетера ему досталась роль зайчика, первая поездка на велосипеде, сломанная нога после прыжка с обрыва в речку, неудачный роман с Леночкой Семеновой.

В мозгу еще крутились быстрые картинки воспоминаний, а тело уже начало действовать – руки закрыли шкаф, ноги отступили к столу, спина согнулась, и долговязый Генка Кармашкин упаковался между стульями.

Пока Кармашкин совершал эти нехитрые, в общем-то, действия, он успел сто раз пожалеть, что ввязался в эту авантюру. Ведь он, можно сказать, был почти ни в чем не виноват. Пострадал Генка из-за своей большой любви к музыке...

Как всегда неожиданно подобрался конец учебного года, за окном бушевал май, а ученики с изумлением узнавали о своих четвертных и годовых оценках.

Генке светило как минимум четыре тройки. По геометрии, истории, химии и физике. Но если физику, химию и историю еще можно было пережить, то геометрия ставила жирный крест на его голубой мечте – новой гитаре.

Сейчас уже сложно вспомнить, как оно было в самом начале. Не хочется уходить в далекое прошлое и утверждать, что уже в детском саду Генка подавал надежды и вселял в родителей уверенность, что будет большим музыкантом. Нет, он мирно рос и лет до двенадцати был довольно заурядным человеком – учился средне, книжек сторонился, увлечениями себя не баловал. Но в один прекрасный момент случилось чудо.

Мама в очередной раз устроила генеральную уборку и попробовала понять, что же у них лежит в стенном шкафу. Тогда-то из необъятных недр темного таинственного шкафа и вывалилась Она.

Гитара.

Так близко гитару Кармашкин увидел впервые, и она его поразила. Это потом уже, когда Илюха сколотил группу и ребята пришли со своими инструментами, Генка понял, что его гитара не бог весть какая классная штука. Что бывает и покруче и, естественно, подороже. Но свою первую гитару он любил. Мало того, она была особенная, переделанная из семиструнной на шестиструнную, с поцарапанным корпусом и потертым грифом. Одним словом – боевой товарищ.

Первые аккорды Генка учился брать сам. Он долго уговаривал отца показать ему хоть что-то, ведь гитара была папина. Вертя в руках старый инструмент, мама вспомнила, что когда-то отец неплохо играл и даже ходил с этой гитарой в походы, во что верилось с трудом, глядя на внушительную фигуру отца.

И правильно, что не верилось.

Отец от своей гитарной славы отнекивался, показывать ничего не хотел, поэтому пришлось Кармашкину общаться с самоучителем.

Потом в их классе появился Илюха Стриж, маленький, чернявый и необычайно шустрый. С порога он заявил, что его старший брат – известный музыкант, мама – знаменитый продюсер, он сам – гений, поэтому собирает музыкальную группу, которая лет через пять будет греметь по всей России. Сам Илюха собирался писать музыку и петь.

Генка сразу подошел к Стрижу и признался, что у него есть гитара и что он уже все может. Илюха царственно кивнул, и они начали репетировать – поначалу они собирались в подвале, в физкультурной раздевалке, чуть позже перебрались в спортивный зал.

Вскоре в их компании появился Вовка Майсурадзе с тамтамами. Он клялся и божился, что при первом же удобном случае купит настоящую ударную установку. Случай пока все не подворачивался. Через несколько недель к ним пришел Костик Янский, заканчивающий музыкальную школу по классу скрипки. Он сказал, что размышляет, куда ему податься – в музучилище или еще куда, а пока он решил посмотреть, что такое рок-банда.

К тому времени они уже кое-что умели. А главное – к ним начала заглядывать Ксюха Воронова. Она сочиняла стихи и в отличие от Илюхи очень хорошо пела – еще до школы она ходила в детский хор Большого театра. Нехотя Стриж уступил ей место вокалиста и сел на клавишные – его мать, великий продюсер, пожертвовала им старый хрипящий синтезатор.

Тогда же Илюха поставил перед Генкой условие – либо он обзаводится новой гитарой, либо вылетает из группы.

Вечером Кармашкин поговорил с отцом, и тот ему тоже поставил условие – закончит четверть по основным предметам без троек, будет ему инструмент.

А как эту четверть закончишь без троек, если на дворе – май, если в воздухе – одуряющий запах весны, если за окном – оглушающий гомон птиц, если вокруг – жизнь? И лишь у одного Генки сплошная невезуха.

Особенно с геометрией.

Тройка ему светила по-любому. И не потому, что Елена Прекрасная, то есть Елена Викторовна, его не любила. Елена любила всех, особенно свой подопечный 8 «Б». Но Генка страдал такой зашкаливающей геометрической тупостью, что ничего с собой поделывать не мог. Не лез ему в голову этот предмет, и все тут!

Хорошая идея Генке не являлась – гитару очень хотелось, а как исправить тройку, он не представлял. Кармашкин уже подумывал отыскать какую-нибудь бабушку-ведунью, чтобы она заговорила его на вечные пятерки по геометрии, когда в школе разразился большой скандал.

Впервые за многолетнюю историю их учебного заведения пропал журнал у семиклашек. Правда, он быстренько нашелся, но Кармашкин уже тогда понял, что случившееся один раз должно повториться. Это был знак свыше, подсказка, что журнал 8 «Б» тоже должен пропасть.

Нет, не должен.

Обязан.

Иначе Илюха выгонит Генку из рок-банды, и жизнь Кармашкина потеряет всякий смысл.

План был прост.

Взять журнал, напротив своей фамилии поставить парочку четверок, подкинуть несколько пятерок каким-нибудь троечникам, чтобы отвести от себя подозрение, – и дело в шляпе.

Лежал журнал в учительской. Обычный путь туда проходил через три запертые двери и решетку. Но Кармашкин придумал, как обойти эти сложности.

Он решил лезть в окно.

Конечно, учителя тоже не дураки, окна они на ночь закрывают.

Закрывают, но не все.

В учительской было одно окно с отломанной ручкой. Его невозможно было закрыть. Узнал об этом Кармашкин случайно. Однажды биологичка попросила перенести тяжеленный фикус из кабинета в учительскую. Генка честно отнес, при этом чуть не расколошматив горшок о подоконник. Произошло это как раз около того самого окна. Генка схватился за штору, рама качнулась, выдавая свою незакрытость. На следующий же день у Кармашкина родился план Большого Похода за Журналом. К тому времени он понял, что красть ничего не придется. Журнал ему необходим всего на пять минут.

За это время он успеет его взять, отыщет страницу с геометрией, подберет ручку с нужными чернилами...

Пять минут!

Всего пять минут, и хорошая четвертная ему обеспечена.

И тут же в воздухе затрубят невидимые трубы и фанфары, потому что на горизонте появится ОНА. Его ГИТАРА.

Его пристрастия к музыке никто не понимал, ни мать, ни отец. Отец вообще смотрел на сына с гитарой, как на инопланетянина. В его глазах как будто читалось: «Мой ли это сын?»

А чей же еще? Конечно, его. Папочке всего-то нужно было вспомнить походную юность... Но делать это он не спешил.

Однако судьба не благоволила Кармашкину в его мероприятии. После того как исчез журнал у семиклашек, за учительской стали следить особенно внимательно. Хотя чего там следить? Пропал журнал случайно, его по ошибке унесла домой географичка. Выяснилось это на следующий же день. Но бдительность учителя не снизили. Наоборот, стали запирают шкаф с журналами на замок, передвинули стул охранника на первом этаже так, чтобы он видел всех входящих и выходящих из учительской. Перед уходом завуч пересчитывала журналы и лично закрывала главный кабинет школы на ключ.

Шансов заполучить вожаделенную тетрадку с отметками не было никаких, пока Генку не нагрузили фикусом и он не узнал тайну окна.

И вот теперь Кармашкин сидел под столом, глядел на это самое окно, понимая, что, как только он рванет к нему, его тут же поймают и отведут в милицию.

Дверь открылась. Вошедший уверенно направился к шкафу, рванул дверцу. Его не смутило, что шкафчик не заперт и журналы перевернуты!

– Вот черт! – прошептал вошедший, выгребая журналы с полки и роняя их на пол.

Наконец он что-то достал, сунул под куртку и двинулся к выходу. Генка вытянул шею, чтобы рассмотреть наглого незнакомца. Голос, произнесший «Вот черт!», ему показался

смутно знакомым. Словно он его где-то слышал, причем совсем недавно, только не таким наглым и не таким уверенным.

Кармашкин полез из-под стола. Сейчас он все узнает!

Стул сдвинулся с места и опасно накренился.

Незнакомец быстро повернулся. Свет фонаря упал ему на лицо.

Вот сейчас...

Стул все же не выдержал и упал Генке прямо на макушку. Из глаз посыпались искры, так что никакого фонаря не понадобилось, чтобы рассмотреть, что происходит вокруг. Но даже если Кармашкин и увидел таинственного незнакомца, то молниеносно забыл.

Генка еще какое-то время просидел на полу, приходя в себя. Вокруг скакали жизнерадостные разноцветные зайчики.

Ничего себе ночка выдалась. До кучи ему не хватало здесь встретить какое-нибудь тоскливое привидение. А что? В школе ведь всякое происходит. Рассказывали, что несколько лет назад один парень покончил с собой из-за плохой отметки. Конечно же, его дух должен где-то тут бродить. И, конечно же, ему не хочется, чтобы у Генки что-нибудь получилось...

Тьфу ты! Вот ведь фантазия разыгралась! Надо же спешить!

Кармашкин наконец вылез из-под стула и подошел к шкафу. Журналы теперь валялись в полном беспорядке, так что Генке пришлось повозиться, прежде чем он расставил их друг за другом.

7 «А», «Б», «В», 8 «А», «В», 9 «А», «Б», «В», 10 «А», «Б» «В»...

Кармашкин остановился. Что такое? А где 8 «Б»? Куда делся?

Он стал проверять заново. Результат оказался тот же. Тогда он заглянул в начальные классы и проверил количество журналов у одиннадцатиклассников.

Посмотрел под шкафом, поставил стул и заглянул наверх.

Журнала не было.

Еще какое-то время Кармашкин тупо стоял посреди учительской, пока до него не дошло. Он понял, что унес наглый вор.

Журнал 8 «Б» класса.

Генка рванул к выходу. Дверь осталась открытой. Он вылетел в коридор. В пустом здании шаги отдавались глухим эхом.

Откуда здесь взялся незнакомец? Неужели он смог пройти через запертые решетки и внешнюю дверь? Хотя, если у него были ключи от учительской, у него могли оказаться ключи и от всех остальных замков!

Но кто бы это ни был, Кармашкину журнал нужен был позарез, потому что от этого зависело очень многое в его жизни.

С громким стуком упало на пол что-то звонкое. Генка бросился на звук.

Незнакомец стоял в холле первого этажа и нервно перебирал связку ключей – входная дверь захлопнулась, и ее надо было снова открывать.

– Вот черт! – нервно воскликнул ночной вор и дернул руками. Связка опять оказалась на полу. На такое падение кафель отозвался обиженным громоханием. Человек быстро наклонился, а выпрямляясь, повернул голову.

В первую секунду Генка испугался, потому что перед ним стоял настоящий призрак – без головы, только глаза и рот тускло светились.

Кармашкин уже собрался было перекреститься и прошептать что-то типа: «Чур меня!», когда разглядел, что голова у незнакомца есть. Просто на нее до подбородка надета черная шапочка с прорезями для глаз и рта.

– Ах, черт! – выругался похититель, бросаясь прочь через холл к лестнице на верхние этажи.

– Стой! – гаркнул Кармашкин и сам испугался своего крика – такое сильное эхо навалилось на него со всех сторон.

Генка заставил себя двигаться вперед, потому что стоять на месте было еще страшнее. Пустая, ухающая школа вновь рождала мысли о привидениях учеников, замученных здесь когда-то, о призраках учителей-кровопийц и директоров-садиств. Генка бежал, и ему казалось, что за ним следят сотни глаз, к его ногам тянутся сотни рук, что пол только того и ждет, чтобы незваный ночной гость споткнулся и упал.

Вскоре Кармашкину стало не до полетов фантазии. Он пробежал коридор третьего этажа и на лестнице чуть не столкнулся с таинственным незнакомцем. Парень спускался, перепрыгивая через две ступени.

– Ходу, ходу! – завопил он, пролетая мимо Генки. Кармашкин еще какое-то время постоял, чувствуя под ногами вибрацию лестницы, а потом сверху на него накатила волна сирены. Возмущенные звуки неслись во все стороны, бесцеремонно будя притихшее здание.

Сигнализация!

После получаса пребывания журнальных похитителей в школе она наконец соизволила сработать.

Об этой сирене знали все. Года два назад директор собрал учеников и объявил, что теперь здание находится под охраной милиции. Что после девяти вечера ее будут ставить на эту самую охрану и, если что, к ним придет наряд стражей порядка. Какую большую ценность собирается охранять милиция, никто не знал. Для большинства учеников – сгори эта школа синим пламенем, никто не заплакал бы. А тут какое внимание – охрана, да еще с сигнализацией.

Срабатывала мудреная охрана с частотой несколько раз в месяц – то форточку забудут закрыть, то шальная кошка по чердаку пробежит, а то неизвестно откуда прилетел камень (по версии старшеклассников это был метеорит) и так стукнул по крыше, что сигнализация сработала и свет в кабинете физики загорелся. После удара камень развалился на мелкие кусочки, поэтому изучить ничего не удалось, зато вмятина получилась внушительная.

Короче говоря, тропинка от отделения милиции до школы была проторена, поэтому времени на бегство было немного.

В этот раз незнакомец справился с ключами быстрее. В спешке он оставил всю связку в замке. Генка перехватил ручку двери, задел за ключи, и связка оказалась у него в кулаке.

Шарахнула перед его носом решетка. Кармашкин последовал за воришкой и оказался во дворе.

Незнакомец бежал к центральным воротам. Они тоже были распахнуты, значит, и от них ключ висел в связке, которая находилась...

Генка удивленно подбросил связку на ладони.

Ключи у него!

– Вот черт! – машинально выругался он.

Он снова посмотрел на бегущего человека и понял, что так сильно смущало его последние минуты. Ни под курткой, ни в руках у незнакомца ничего не было. Когда он несся мимо Кармашкина по лестнице, он свободно размахивал руками, куртка у него была расстегнута.

Куда же он дел журнал? В карман положил?

А вдруг он его оставил в школе?

Первым порывом Генки было отправиться обратно в школу, перевернуть все вверх дном, но журнал найти! И только появившаяся на центральной аллее милицейская машина заставила его забыть обо всем и подумать о собственной безопасности. В конце концов журнал он, может быть, еще найдет.

Генка быстро запер решетку и легкой рысью пробежал через жиденький школьный сад к забору.

Азарт погони улетучился. Он чувствовал усталость и разочарование. Неделя подготовки, целый день волнений, бессонная ночь – и все напрасно. Вожделенный журнал уже почти был у него в руках, но...

Но он еще посмотрит, кто кого!

Неожиданная мысль, пришедшая в голову, заставила Генку остановиться.

Чего он так переживает? Журнал украли не для того, чтобы возвращать обратно. Его украли навсегда, а значит, в конце учебного года все остались без оценок. Четвертные будут выставлять по результатам контрольных и по мало у кого сохранившимся отметкам в дневниках, и никто не вспомнит дурацкие опросы и вызовы к доске. А ведь именно за них у Кармашкина стоят две досадные пары, сильно портившие ему кровь. А раз нет журнала, значит, никаких плохих оценок у него нет. И можно больше не переживать! Четверка ему обеспечена!

От радости Генка чуть не закричал, но вовремя вспомнил о милицейской машине и полез на забор.

Теперь он ляжет спать с чувством выполненного долга – гитару свою он честно заработал.

Но радовался Кармашкин зря. Сегодняшняя ночь была первой в череде неудач и странных стечений обстоятельств, с которыми Генке предстояло встретиться в ближайшие два дня.

Глава 2

Утро следующего дня, или Глава о том, как тяжело бывает начинать вести расследование, если улики ну совершенно никаких нет, а подозреваемых – целый класс

Засыпая, Генка решил уже завтра как-то дать знать отцу, чтобы он начал откладывать деньги на гитару. А то четверку свою он заработает, а отец возьмет и скажет, что инструмент покупать не на что.

Вот это будет казус! Пострадает, можно сказать, ни за что ни про что.

Ему даже сон приснился – около его кровати появляется новенькая, блестящая гитара. Тихо звенят струны, зовя Кармашкина к себе, гриф покорно изгибается в его руке. Генка с гитарой такой счастливый, что не видит и не слышит ничего вокруг. А над его головой уже звучит грозный рык Стрижа:

– Кар-Карыч, о чем мечтаешь? Опять такт проспал!

А какое проспал, если он и не думал сегодня идти на репетицию, если он просто так взял гитару в руки, чтобы поиграть для себя?

Но голос Илюхи неумолимо звучит у него в ушах:

– Проспал! Проспал, Карыч! Ну, все!..

– Да вставай же ты! – трясет за плечо Генку маленькая Люда. – Проспал. А мне в детский сад пора!

В одну секунду гитара, Стриж, ночное похождение ссыпались у Кармашкина в голове в одну кучку. Он вскочил с кровати и растерянно захлопал ресницами.

– Смотри, сколько времени!

Маленькая Люда была невероятно похожа на мать, Генка даже иногда вздрагивал, глядя на сестру. Такая же худенькая, с таким же вечно озабоченным выражением лица, с таким же громким голосом. Сейчас сестра держала в руках часы и тыкала пальцем в большую стрелку, которая давно перевалила Эверест, цифру двенадцать, и спешила к шести. А значит, опоздала в детский сад не только Люда, но и у Кармашкина совсем не осталось времени для сборов в школу.

– Что ж вы меня не разбудили-то! – заметался он по комнате, со сна не находя свои джинсы.

– А вы разве не ушли? – раздался из коридора спокойный голос отца. Он никогда никуда не спешил и ни о чем не беспокоился. О детях тоже. Отводить Людку в сад была Генкина обязанность, и за ее выполнением следить должен был тоже Кармашкин.

– Ну, ты чего? – накинулся он на застывшую сестру. – Погнали!

Ту скорость, с которой они вышли из дома, вряд ли можно назвать словом «погнать». Люда канючила, норовила наступить в каждую лужу, засматривалась на воробьев. В детском саду она долго копалась в ящике, доставая то одну куклу, то другую, не в силах выбрать, что взять с собой в группу. После долгих препирательств сестра наконец уселась за стол и начала уплетать утреннюю кашу, а Генка помчался в школу, куда и прибежал к середине первого урока.

– Кармашкин! – обрушила на него свой могучий голос завуч Аделаида Дмитриевна, прозванная учениками Ад.

Это была крупная женщина с необычайно зоркими глазами и хорошим слухом. Она знала обо всем, что случалось в школе. Она каким-то фантастическим образом оказывалась там,

где что-то происходило – разбивалось ли зеркало в мужском туалете, мальчишки ли курили в раздевалке или затевали драку. И даже в дни, когда ее не было и вся школа вздыхала свободно, Аделаида все равно появлялась, как только что-то звенело, падало, кричало или взрывалось. Поэтому Генка мог бы и не надеяться проскочить незамеченным. Хотя, если честно, за всей этой беготней и недосыпом он про Аделаиду Дмитриевну забыл.

– А ну, иди сюда! – поманила его пальцем завуч.

От неожиданности Генка засунул руки в карманы – все-таки не каждому везет при опоздании в школу наткнуться на такой грозный окрик. Как говорится у них в школе, попасть в персональный Ад. Но это были еще не все сюрпризы, подготовленные для Кармашкина щедрой рукой судьбы на сегодняшний день.

– И вынь руки из карманов, когда разговариваешь со взрослыми! – гаркнула Аделаида. Генка дернулся от такого крика.

Кафель первого этажа радостно звякнул, принимая уже знакомую связку ключей.

Кармашкин сначала с удивлением посмотрел вниз, потом с неменяющимся выражением лица задрал голову вверх. По-другому он не мог объяснить, как эта связка оказалась на полу – не иначе как свалилась с неба. Генка изобразил на своем лице полное непонимание и уставился на завуча.

Аделаида сначала тоже подняла голову, но вот брови у нее сурово сдвинулись.

– Так, – выдохнула она.

Если бы Кармашкин стоял ближе, он непременно покачулся бы от такого богатырского выдоха, но Генка предусмотрительно топтался в сторонке, поэтому он лишь перевел удивленный взгляд на завуча, в котором читалось искреннее желание помочь. Но он не знал как.

– Откуда это? – Носок ботинка Аделаиды Дмитриевны коснулся веселой связки.

– Выпало откуда-то, – пожал плечами Генка. В его еще не совсем проснувшемся сознании билась какая-то мысль, но она не могла достучаться до пока еще спящих мозгов.

– Выпало?

И тут Кармашкин все вспомнил. Ночь. Извивающаяся от звуков сирены школа. Незнакомец, открывающий дверь. Падающая на пол связка ключей.

– Наверное, здесь лежало, – буркнул Генка, чувствуя, как неприятные мурашки пробежали по его спине.

– Карманы покажи, – сделала шаг вперед завуч.

Генка с готовностью вывернул карманы. Кафель ликующе отозвался на падение пары камешков, звонкую россыпь маленьких гвоздиков, мелочь и карточку на метро.

– Так! – Видимо, других слов от возмущения у Аделаиды не было. Связка ключей исчезла в ее внушительном кулаке. – Иди за мной! – приказала она, хотя Кармашкин и сам мог дойти до класса. Ничего сложного в этом не было. Всего-то нужно было подняться на четвертый этаж и постучаться в кабинет географии. Но пошли они почему-то не на четвертый этаж, а на третий и вошли в кабинет алгебры, геометрии и черчения. И Генка предстал пред ясны очи своего классного руководителя, Елены Прекрасной, то есть Елены Викторовны. Здесь же сидел весь их восьмой класс.

– Карыч, ты где был? – понеслось к Генке со всех сторон.

Ответить Кармашкин не успел. За него сказала Аделаида Дмитриевна.

– Если вы не убедите одного из своих товарищей вернуть журнал в ближайшее время, у всех будут большие неприятности, – перекрыл встревоженный шепоток мощный голос школьного руководителя. – Тем более не рассчитывайте на пятерки те, кто думал, что они уже у них в дневнике. Иди, Крылышкин, садись на свое место... – В классе засмеялись. Завуч грозно посмотрела на весельчаков. – Кое-кому не смеяться, а плакать пора, – припечатала она восьмиклассников и выплыла в коридор.

– Ну, что, Кармашкин? – вздохнула Елена Прекрасная, поднимая на своего подопечного красивые печальные глаза. – Что стоишь? Пока крыльями не обзавелся, иди ножками на свое место.

В классе снова захихикали. Майсурадзе даже попытался изобразить взлет общипанного петуха. И только в глазах Ксюхи Вороновой было глобальное сочувствие и вселенское понимание.

Ксю была странной девушкой, немного не здесь и совсем не сейчас. Высокая, симпатичная, но очень уж скованная в движениях. Ей было жалко всех. Волнуясь, она теребила кончик своей невероятно длинной и толстой русой косы. Поначалу Генка подумывал в нее влюбиться, но больно уж она была необычная, да и Илюха никого к ней не подпускал. Такого соперничества Кармашкин не выдержал бы.

Потом Генке стало не до любви. Замучили его школьные проблемы.

– Ну, как? Побывал в персональном Аду? – избито пошутил ударник Майсурадзе (вернее было бы сказать, тамтамник, но Вовке нравилось, чтобы про него говорили, что он именно ударник). – Как она тебя Крылышкиным обозвала?

– Да иди ты! – отмахнулся Генка. Его сейчас больше занимало, что Аделаида будет делать с выпавшими у него из кармана ключами.

– Ну, что? – обратилась математичка ко всему классу. – Так и будем молчать? – спросила она, хотя возбужденные перешептывания не стихали ни на секунду. – Куда дели журнал, обормоты, признавайтесь!

– А чего мы? – закричал как всегда шумный Вовка. – Может, это географичка опять по ошибке домой унесла?

– Не придуривайтесь! – нахмурилась Елена Прекрасная. – Кому еще нужен журнал в конце года? Вам! Быстро выкладываете, кого оценки в четверти не устраивали?

Кармашкин с любопытством оглянулся. Он один знал, что недовольных в восьмом классе было как минимум двое. Первый он сам, а вот второй пока никак не проявлял себя.

– Чего вы добиваетесь? – Не дождавшись добровольных признаний, математичка перешла к запрещенным приемам. – Никто от этого не выиграет. Все учителя знают, на какую оценку у вас хватает знаний, так что свои законные двойки вы получите.

– А пятерки? – забеспокоился скрипач Костик Янский. Он постоянно о чем-то волновался – получит или нет пятерку за контрольную, успеют или нет они сегодня позавтракать, опоздает или нет на репетицию.

– Никто не забудет про ваши пятерки, – заверила учительница. – Но предупреждаю, их будет гораздо меньше.

– Как меньше? – послышалось со всех сторон.

– Придется заново писать все контрольные, – легко бросила Елена Прекрасная.

– Вот ведь черт! – ахнул Илюха.

– Так, – шарахнул кулаком по столу здоровенный Димка Прохоров. – А ну, быстро вернули журнал на место! А то я кому-то ноги поотрываю и на место ушей приделаю.

Генка поежился, представив такую невероятную картинку, как его собственные ноги, приставленные к ушам, и покосился на Димку. Он сидел в конце класса и нехорошо поглядывал вокруг. В том, что он легко может выполнить свою угрозу, сомневаться не приходилось – высокий, плечистый Прохоров мог все.

– Я, конечно, понимаю, что каждый в этом классе думает только о себе, – продолжала вести психологическую атаку математичка. – Но сейчас я взываю к вашей совести – хоть раз подумайте о своих товарищах, которые пострадают ни за что.

Класс на секунду притих, стараясь расслышать муки чьей-нибудь совести. Но совесть то ли молчала, то ли вышла на минутку подышать свежим воздухом – воззвание осталось без ответа.

– А я знаю, когда журнал вернется на место! – весело воскликнул Прохоров.
– Что ты можешь знать! – неожиданно зло отозвалась Леночка Семенова. – Ты даже думать не умеешь!

– Чего тут знать-то? – Что-то Димку явно веселило, его губы расплывались в неудержимой улыбке. – А, Стриж?

Илюха оторвался от изучения окна и мрачно посмотрел на Прохорова.

– Понятия не имею, – хрипло произнес он.

– Прохоров, заткнись, а? – грубо приказала Семенова. – И без тебя голова болит.

– А давайте ставки делать! – забарабанил по столу Майсурадзе. – На то, когда вернется журнал!

– Я же говорю... – начал Димка, но Леночка его перебила.

– Ну что ты лезешь вперед всех! – вскочила она. – Если и появится, то завтра!

Генка недовольно хмыкнул.

Вечно Леночка лезла со своим мнением. Могла бы хоть раз промолчать. Ее заносчивость и сгубила их отношения...

– Первая ставка, – завопил Вовка, тыча пальцем в Семенову.

– Чего? Точно завтра? – нахмурился Костик.

Прохоров повернулся к Леночке.

– Ну, не знаю, – сверкнула глазами в ответ Семенова. – А ты, Стриж, что думаешь?

– Да вернется он, – буркнул Илюха. – Куда ему деваться? Карыч, а ты чего молчишь?

– А то я его трогал! – сразу занял глухую оборону Генка.

– Ну, не трогал так не трогал, – легко согласился Стриж и посмотрел на Ксю.

Невысокий Илюха был красив какой-то своеобразной живой красотой, и почти все девочки многое отдали бы за такой пронзительный взгляд в их сторону. Но Стриж был влюблен в Воронову, и хоть отношения у них не складывались, упрямо продолжал добиваться ее благосклонности.

– Ну, чего? Никто больше ставки делать не будет? – разочарованно протянул Майсурадзе.

– А сам ты что думаешь? – с любопытством спросила математичка, даже не думавшая прерывать этот внезапно возникший торг.

– Я думаю? – напрягся Вовка, как будто его оскорбили тем, что приписали такое качество, как способность думать. – Ну... верняк, что он в школе.

Генка вздрогнул и покосился на соседа по парте. А ведь он успел забыть, что журнал из школы не уходил, а значит, нужен он для каких-то внутришкольных дел и, скорее всего, объявится если не сегодня, так завтра. А вот этого уже не хотелось бы...

– Послезавтра! – Слова сами вырвались из груди Кармашкина. – Он появится послезавтра.

– Ставка сделана! – взвыл Майсурадзе.

Леночка недовольно поджала губы, она не любила, когда с ней спорили.

– Что ж, – Елена Прекрасная обвела класс внимательным взглядом, – ждем два дня. Посмотрим, кто выиграет!

– А какая у нас ставка? – негромко спросила Семенова.

– Жизнь! – от души веселился Вовка.

– Освобождение от физкультуры, – предложил Прохоров, но его не поддержали. Со всех сторон посыпались предложения:

– Пять компотов на завтрак!

– Пятерка в дневник!

– До конца года без контрольных!

– Поцелуй Вороновой!

– Без дежурства!

– Килограмм шоколада!

– Билет в кино!

– Да кому нужен ваш билет! – зло прошипела Семенова. – На желание!

– А если он чего неприличного захочет? – среди общего гула бас Прохорова выделялся особенно.

– На желание! – шарахнул кулаком по столу Майсурадзе.

– Хорошо, – кивнула головой Елена Прекрасная. – Каждый сейчас напишет на листочке свое желание и отдаст мне. Кто выиграет, того бумажку и откроем.

Семенова с загадочным выражением лица уставилась в окно.

– Ну, сейчас напридумывает... – прошептал Вовка, глядя, как Леночка что-то быстро пишет на листочке. И пишет не одно слово и не два, а выводит уже пятую строчку.

Генке долго думать не пришлось. Он хотел только одного – гитару. Или, на худой конец, чтобы его не исключали из рок-банды. Ни то, ни другое Семенова сделать не могла. Тогда он достал лист бумаги и написал первое пришедшее в голову: «Чтобы был мир во всем мире!» Под довольное хмыканье Вовки старательно сложил листочек в пять раз и отдал его математичке.

Не успел он еще дойти до своей парты, как в коридоре послышались грозные шаги. Так обычно приближается судьба, фатум, и она ничего хорошего, как правило, не несет.

– Кондрашкин! – ворвалась в класс завуч.

Генка вздрогнул, понимая, что издевательство над фамилией началось неспроста.

– Вы уж определитесь, Аделаида Дмитриевна, – заржал Майсурадзе, вскакивая вместе со всем классом, чтобы поприветствовать руководителя, – как звать Генку. А то он скоро совсем на свою фамилию откликаться перестанет.

– Все замолчали! – Аделаида ураганом пронеслась по проходу и зависла над Генкой. – Где ты это взял? – бухнула она на парту пресловутую связку ключей.

– Выпало откуда-то, – пробормотал он, изо всех сил пытаясь удержать себя в стоячем положении – колени подкашивались, и он все норовил сесть.

– Откуда выпали? – бушевала завуч. – Это запасная связка, которая всегда хранится у сторожа. Где ты ее взял?

– Ага! – загремел со своего места Прохоров. – Так вот кто журнальчик стащил!

– Да не трогал я его! – стал отпираться Кармашкин. – Зачем он мне сдался?

– Прекрати! – Аделаида Дмитриевна сжала кулак и постучала им по парте. – Отвечай на вопрос!

Генка поднял голову. Тридцать пар глаз с любопытством глядели на него. Все с нетерпением ждали, что он скажет. А ведь среди них был один человек, который знал все. Ну, дайте ему только найти этого человека. Уж он ему устроит Варфоломеевскую ночь и утро стрелецкой казни в одном флаконе!

– А что, у сторожа ключи пропадали? – вдруг подал голос Прохоров. Дурак дураком, но в нужный момент помочь может.

– Нет, не пропадали. – Вопрос заметно сбил боевой настрой завуча. – Поэтому мне и интересно, где он их взял?

Уже было легче, что ключи неворованные, и теперь у Кармашкина появилась слабая надежда, что он выкрутится.

– Нашел. – Другого ответа пока в голову не приходило.

– Какие это улицы устланы у нас ключами от школьных дверей? – ехидно спросила Аделаида.

– На крыльце, – продолжал врать Кармашкин.

– Ага! – непонятно чему обрадовалась завуч. – Вся школа прошла, никто не поднял. А тут ты бежал и, как грибник, нашел!

– Так, может, уронили перед его приходом? – неожиданно подала голос Семенова.

Ладно, он запомнит эту поддержку.

– Молчать! – крутанулась на месте Аделаида. – Тоже мне – нашли скатерть-самобранку, что хотят на крыльце, то и находят! – Она снова вплотную подошла к Кармашкину. – Я тебя последний раз спрашиваю, где ты взял ключи? Не ответишь, вылетишь из школы, не дожидаясь конца года. Погоню, как бешеную собаку, и дорога тебе будет только в ПТУ.

Вот и загадал желаньице...

– Я, правда, их нашел. – Генка постарался подпустить в голос слезу. – Я за школой стоял...

– Что ты там делал? – Голос завуча набирал все новые и новые грозные обороты. – Курил? Не опускай глаза! И так знаю, что курил!

– Так он же не курит, – растерянно пробормотал Майсурадзе.

– Молчать! – гаркнула Аделаида так громко, что некоторые восьмиклассники не выдержали и сели – такой силы был у нее голос. – Вас никто не спрашивает. Где за школой ты стоял?

– Под окнами учительской! – в отчаянии прокричал Кармашкин. – И там в траве валялось...

– Под каким окном? – с подозрением уточнила завуч.

– Под третьим! Там еще фонарь и кусты! – Генка пытался вспомнить еще какие-нибудь приметы. Но больше ничего на ум не приходило.

– Так, под третьим. – Аделаида заметно успокаивалась. – Нашел... Допустим. И что ты сделал?

– На урок пошел, вас встретил, они у меня из кармана и выпали.

Завуч мрачным взглядом оглядела застывших учеников и, подбрасывая на ладони связку, пошла по проходу.

– Садитесь!

По классу прошелестело быстрое движение – все как можно тише опустились на свои стулья. Даже Елена Викторовна села.

– Не нравится мне это. – Аделаида остановилась около доски. – Ночью кто-то забрался в школу и выкрал журнал. Потом объявляются эти ключи... И никто не виноват?

Прохоров шумно задышал, но завуч на него даже не посмотрела, хотя чаще всего именно Димка являлся виновником многих проделок 8 «Б». Видимо, сейчас это был не тот случай.

– А что говорит милиция? – перевела Семенова внимание с Прохорова на себя.

– Так! – Аделаида спрятала ключи в карман. – Елена Викторовна, вы выяснили, кто мог взять журнал?

– Мы считаем, что уже завтра, в крайнем случае послезавтра он точно найдется, – быстро произнесла математичка.

– А если не найдется? Вы представляете, что будет? Это же данные за целый год!

– Я думаю, что мы найдем его. – От волнения Елена Прекрасная облизала пересохшие губы. – Правда, ребята?

– С руками оторвем, – мрачно пообещал Прохоров.

– Всю школу перевернем, – заверил Майсурадзе.

– Будем искать, – добавил Костик.

– Да что с ним делается! – хохотнула Семенова. Но ее веселья никто не поддержал.

– Предупреждаю! – опустила пухлую ладонь на парту Аделаида Дмитриевна, звонко цокнули о пластмассовую поверхность три массивных золотых кольца. – Если через два дня журнал не окажется на месте, я вас в порошок сотру. Каждому будет снижена оценка по предметам на балл.

Класс возмущенно загудел.

– Почему всем-то? – прошептал расстроенный Янский.

– А если двойка стоит, кол, что ли, будет? – довольно хмыкнул Димка.

– А если двойка, – сурово посмотрела на него завуч, – то ее обладатель вылетит из школы и его с удовольствием примет к себе колония для несовершеннолетних преступников. Елена Викторовна, обратите особое внимание на троечников. Скорее всего журнал взял тот, кто надеется переправить тройку на более выгодную оценку.

Голова у Генки пошла кругом. Стены радостно смешались со шкафами, доска полетела в сторону двери.

– Ты меня слышишь, Кармушкин? – донеслось до Кармашкина из ватной дали.

– А чего Кармушкин? – Голос показался чужим. – Я эти ключи на улице нашел! – кричал он в спину уходящей Аделаиды. – Да они уже, наверное, месяц в коридоре валяются, чего сразу на меня все валить? – выдумывал он на ходу, стараясь угадать, какое оправдание подействует на нее. – Да это вообще не от школы ключи! – из последних сил выкрикнул он. Но завуч его не слушала – свой приговор она вынесла и обсуждать его не собиралась.

После ухода Аделаиды в классе наступила долгожданная тишина.

– Ну что же, Крылышкин... ах ты, Кармашкин, у тебя два дня. – Елена Викторовна очаровательно улыбнулась Генке. – Я думаю, ты догадываешься, что бывает с теми, кто ворует журналы?

– По весне их находят за гаражами, – впечатал кулак в свою ладонь Димка.

Математичка отошла от своего стола.

– Мы загадали. Если журнал найдется завтра, то выигрывает Семенова. Если послезавтра – то Кармашкин. И у вас есть целых два дня, чтобы вернуть журнал. Два дня. Я надеюсь, что у похитителя проснется совесть, и он поймет, что поступил плохо.

– Да чего тут искать, – легкомысленно протянул Вовка. – Раз, два и готово.

Генке тоже хотелось так же весело крикнуть, что проблем никаких нет. Но перед его мысленным взором еще стоял грозный облик Аделаиды, поэтому он остерегся что-либо кричать.

– А теперь, чтобы не терять оставшееся от урока время, доставайте тетради и пишите пример. – Елена Прекрасная открыла доску, исписанную ровным аккуратным почерком. Изящно изогнув свой тонкий стан, она любовно посмотрела на задачки и мило улыбнулась классу. – Чего ждем? Решаем!

Генка тяжело опустил голову на ладони. Буквы скакали по доске, не в силах сложиться в слова. Место на парте, где перед этим лежали ключи, мозолило глаза. Так и хотелось протереть его рукавом, а перед этим подышать, чтобы лучше очистилось.

В голове не было ни одной мысли, ни одной идеи, куда мог деться журнал.

И где искать этого таинственного похитителя? Как он хоть выглядел? Среднего роста, на лице черная шапка с прорезьями, на ногах какие-то ботинки, Генка не разглядел, а куртка на нем была серая такая, с резинкой на запястьях и с «молнией».

После математики Кармашкин незаметно спустился в раздевалку. Здесь его ждало разочарование – почти половина мужских курток была серого цвета. Большинство из них с «молнией». И почти все с резинкой на запястье.

Ну что же, начало его расследования можно было считать провалившимся.

Глава 3

Полеты во сне и наяву, или Глава о том, что занятия гитарой не прибавляют спортивных навыков

– Что ты будешь делать?

Этот вопрос вертелся и у Кармашкина в голове. А теперь вот и друзья-приятели посчитали своим долгом напомнить Генке о его плачевном положении. Как только их рок-банда собралась вместе, первый вопрос, который прозвучал, был, конечно же, этот – что Кармашкин собирается делать.

– Сухари сушить, – вместо него ответил Вовка Майсурадзе и подкрепил свои слова дробью на тамтамах.

– Слышь, Карыч, – Костик теребил в руках и без того истертую ручку футляра от скрипки, – ты это бросай. У меня там пятерка идет по русскому, и я никак не могу другую оценку получить. Ты же знаешь, мне в училище идти.

– Что ты паришься! – фыркнул Илюха. – Пересдашь свой русский и с очередной пятеркой полетишь белым лебедем в далекие края.

– А если не получу? – поднял на Стрижа перепуганные глаза Янский. – В журнале пятерка у меня уже есть. Это верняк. По новой, может, и не удастся ее получить.

– Да ладно, у них все контрольные куда-нибудь записаны для отчетности. – Майсурадзе был большим пофигистом, поэтому никогда ни о чем не беспокоился. – Все тетрадки сохранились. Не пропадут твои пятерки. Ты лучше скажи, – повернулся он к Кармашкину, – на фиг тебе этот журнал понадобился?

– Да не брал я журнал! Слышите? Не брал!

Генка сидел, обнявшись с гитарой, и чувствовал себя очень плохо. Мало того, что его судьба висела на волоске, так еще и осрамился перед всем классом. Прохоров косо смотрит. А вот ему-то как раз на дороге лучше не попадаться. У Димки разговор короткий. Он сначала бьет, а потом разбирается, что да почему.

– Сказки кому-нибудь другому рассказывай, – раздраженно протянул Вовка. – Ну, ладно, залез ты в школу, ну, взял журнал. А дел куда? И чего не возвращаешь? Или ты будешь после-завтрашнего дня ждать, чтобы у Семеновы выиграть?

Эх, если бы все было так просто...

Генка открыл рот, чтобы ответить, но промолчал. Черт, и так плохо, и так нехорошо. Он уже совсем не понимает, что вокруг происходит. Вот что делают следователи, когда у них нет никаких версий происходящего? Наверное, ждут. Вот и он подождет.

– Журнал, журнал, журнал, – вздохнула Ксю. – Жаль, опередили, я бы его тоже украла.

– Что? – чуть ли не в один голос спросили музыканты.

А удивляться было чему. Во-первых, никто не заметил, как она пришла. А во-вторых, на репетициях, когда не пела, она чаще молчала. В школе Воронова тоже была неразговорчива. А тут вдруг взяла и заговорила.

– Зачем? – от волнения голос у Костика пропал, поэтому он шептал.

– Просто так, – равнодушно пожала плечами Ксю и пропустила между пальцами кончик своей длинной косы. – Чтобы потом сидеть и наблюдать, как все вокруг бегают и ругаются.

– Ага, кому-то плохо, а она будет сидеть и радоваться, – недовольно пробурчал Янский, зло воюя со своими вечно заедающими замками на футляре.

Илюха решительно встал, прошелся по маленькой комнатке, которую несколько месяцев назад школьная администрация отвела им под репетиции, взлохматил волосы.

– Завтра журнал вернется, – уверенно произнес он. – Как забрали, так и принесут обратно. И хватит на это время тратить. Давайте работать.

Генка вздохнул. Он не представлял, где искать странного похитителя, что его, Генку, ждет через два дня и как ему теперь поступать с геометрией. Ладно бы вор стащил что-нибудь дельное, да хоть скелет из кабинета биологии. А то ведь журнал, штука такая сложная. Нужно – поставил оценки и вернул. А если не вернул, то куда он его дел? Выбросил?..

Как же все было запутано...

– Карыч! Ну, ты совсем! – вопил Стриж. – Ты сегодня будешь за мной следить? Или у тебя после похода в персональный Ад совсем мозги отшибло?

– Чего сразу я? – оглянулся Кармашкин. За размышлениями он забыл, что сидит на репетиции, и пропустил свое вступление. – Сам отстаешь, – огрызнулся он. – А Воронова вообще молчит.

Ксю, и правда, даже не собиралась петь. Она сидела на подоконнике, отвернувшись от музыкантов, и смотрела в окно.

Илюха стукнул кулаком по клавишам.

– Если и дальше так пойдет, мы никуда не сдвинемся, а у нас выступление!

Под громким словом «выступление» Илюха подразумевал одну песню, которую они должны были исполнить на последнем звонке для выпускных классов.

Воронова подняла на него свои большие задумчивые глаза и вздохнула. От ее внимательного взгляда Илюха смутился.

– Я сегодня тоже не могу играть, – пожаловался Костик, откладывая скрипку. – У меня этот русский не выходит из головы. А вдруг она опять контрольную закати?

Кармашкин вновь обнялся с гитарой. От обиды, что все так плохо, настроение становилось таким подавленным, что даже играть не хотелось. А это уже было дурным знаком.

– Мне идти пора! – Воронова прыгнула с подоконника и, ни с кем не прощаясь, побежала к выходу.

Стриж проводил ее мрачным взглядом.

– Любовь прошла, завяли помидоры, – прокомментировал Ксюхин уход Вовка.

– Не лезь не в свое дело! – резко повернулся к нему Илюха. – Все, работаем, а то повыгоняю всех и новых музыкантов наберу! У меня очередь на ваши места. А вы халтурите!

– Чего ты шумишь? – насутился Костик, он не любил, когда на него кричали. – Сам в нотах путаешься и зеваешь через такт. Спать надо по ночам, а не по улицам шастать!

«Спать надо по ночам...»

Генка посмотрел на своего руководителя. Илюха выглядел неважно, под глазами залегли темные круги, лицо сонное, одежда измята, словно Стриж прямо в ней и спал.

– А не нравится, так катись отсюда! – надрывался Илюха. – Беги за своей ненаглядной Вороновой. Может, еще догонишь.

– Это ты беги, пока ее кое-кто не увел, – фыркнул Янский, выразительно глядя в окно.

Все сгрудились на подоконнике, пытаясь рассмотреть, что происходит на улице. А происходила там замечательнейшая сцена. Ксю стояла рядом с Арти Клюквиным из десятого класса, смотрела ему в лицо и широко улыбалась.

Илюха висел на Генке и так тяжело дышал, что Кармашкин испугался за его здоровье. Выражение лица у Стрижа было мрачным.

– Вот черт! – прошептал он, отходя в сторону. Смотреть на то, как Ксю мило беседует с долговязым Арти, было невыносимо.

– «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей», – как всегда не в кассу процитировал классика Майсурадзе.

– Иди к черту! – огрызнулся Илюха.

На это веселый Вовка лишь расхохотался.

Генка заворожено смотрел, как Илюха задумчиво сидит около своего инструмента, поглаживает подбородок, и в душе у него рождались нехорошие предчувствия.

– А на фиг Вороновой журнал? – медленно спросил Кармашкин. Ему казалось, еще чуть-чуть, и он все поймет. Но как раз этого-то «чуть-чуть» ему и не хватало.

– Да у нее что-то там с литературой, – пробормотал Илюха, не отрываясь от своего занятия, – он сворачивал провод у синтезатора. – Она глупостей наговорила русичке, и та ей пару влепила.

– А почему нельзя было исправить на месте, в учительской? – хитро прищурился Генка – он видел в кино, что следователи часто так делали. – Журнал-то зачем было уносить?

– Чего ты заладил – журнал, журнал? – раздраженно бросил Стриж. – Тебе-то зачем он понадобился, что ты за ним ночью в школу поперся?

– Вот-вот, делать тебе нечего, – поддакнул Майсурадзе, роняя один из своих тамтамов. – Мне бы эту школу ни днем, ни утром не видеть, а вы в нее еще ночью намылились ходить.

– С чего ты взял, что я в школе был? – прошептал Генка.

– Откуда у тебя тогда ключи? – вопросом на вопрос отозвался Стриж.

– Нашел! А вот как они у тебя оказались?

– А меня в школе не было! – Илюха направился к выходу. – И ключей этих у меня в жизни не было. Это ты там был!

Перед дверью он вскинул на плечо свой рюкзак. Кармашкин заметил, что помимо учебников и тетрадок в рюкзаке лежит еще что-то, большое и плоское.

– Стойте! А репетиция? – удивился Костик. – Предупреждаю, завтра я не могу.

Но Стриж уже скрылся за дверью.

– Чокнутый он какой-то последнее время. – Вовка стал запаковывать свои барабаны. – Как с Ксю поругался, так совсем сбрендил.

– Когда это он поругался? – Генка засовывал гитару в чехол, прислушиваясь к удаляющимся шагам в коридоре.

– Ну, ты темнота! – искренне удивился Майсурадзе. – У нее же теперь новый парень, Клюквин из десятого. Она, наверное, из группы уйдет. Ей Клюква успел такого наобещать! У него батя крутой крендель, он все может.

– А что надо Вороновой? – Кармашкин по наивности не видел связи между новым романом Ксени, ее уходом из группы и крутизной клюквинского папаши.

– Счастья, – хихикнул Вовка, зачем-то подмигивая Генке.

– Да пошел ты! – отмахнулся от приятеля Кармашкин. – Все, я домой!

– Э, погоди! – заспешил за ним Майсурадзе, подхватывая свои тамтамы. – А расследование?

– Какое расследование? – Генке хотелось поскорее отвязаться от Вовки, чтобы побыть одному и подумать.

– Ты журнал искать будешь? – Вовка намеков не понимал. – Тебе Адочка два дня дала. Без команды не справишься.

– Чего его искать? – от удивления Кармашкин остановился. – Сам объявится.

– Какое объявится! Расследование надо производить! – Майсурадзе сурово сдвинул брови, видимо, уже представляя себя крутым следователем.

– Вот и расследуй, – рассердился Кармашкин. – Иди на улицу и изучай следы под окном учительской.

– А ты? – От желания поскорее приступить к делу Вовка пританцовывал на месте.

– А мне еще надо ноты взять. Я их на банкетке забыл. – Генка пошел обратно.

Майсурадзе помчался вниз. Кармашкин переждал некоторое время и двинулся следом.

Зачем ему команда поисковая? Если он и хотел найти журнал, то сделать предполагал это тихо, без свидетелей. Большая следственная группа ему для этого была ни к чему.

По лестнице он старался спускаться как можно тише. Ему казалось, что если он не будет шуметь, то сможет заметить что-то очень важное.

Иногда Кармашкина посещали такие предчувствия. Если сидеть не шевелясь, то тебя не спросят. Так и выходило. А стоило ему заерзать на стуле – все, тут же отправлялся к доске. Или если замереть, глядя в окно, то мама не заставит мыть посуду. Или если проигнорировать просьбу сестры, то вечер закончится мирно. Однажды он своей интуиции не послушался, за что получил по полной программе – после игры в мяч он долго выслушивал мамины причитания и выгребал осколки люстры из длинных ворсинок ковра – пылесос засасывать их почему-то отказывался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.